

ПРОЛОГ

На северо-западной оконечности острова Хоккайдо заканчивался сезон муссонных дождей, и в лучах закатного солнца, которое легким багрянцем подкрашивало мгlistую рябь пролива Лаперуза, уже просматривался заостренный край мыса Крильон, южной точки Сахалина. Сбрасывал с себя насквозь промокший плащ и Вакканай, удельное княжество японских рыбаков. Жизнь налаживалась, но пропитанный тяжелой морской влагой воздух да устоявшиеся лужи, которые, казалось, уже не принимала земля, все еще мешали войти городу в обычный ритм. Темнело довольно быстро, как-то разом, словно сверху набрасывали огромное, темное полотно, к тому же власти берегли каждую иену на уличном освещении, так что вечерами пустела не только окраина, но и центр с его многочисленными магазинчиками, харчевнями и прочей чисто национальной мишурой. И лишь у причалов рыбного порта, где японская речь перемежалась с русской, не было ни минуты простоя. Малые и средней тоннажности траулеры и сейнеры швартовались к причальным стенкам, мгновенно разгружались, выгребая из трюмов еще живых крабов и особо ценные морепродукты, оптовики расплачивались с капитанами, и обшарпанные, донельзя потрепанные посудыны, пополнив запасы водой, топливом и хар-

чами, тут же отваливали, освобождая место очередному траулеру, грузно осевшему в провонявшую рыбой воду.

Время — деньги. Этой заповеди в порту Вакканая придерживались как местные, так и российские рыбаки, начиная от капитана и кончая палубным матросом. Здесь не было ни алкоголиков, ни тунеядцев — вкальвали все, причем вкальвали от гимна до гимна, четко усвоив простую истину: время — это деньги. И даже несмотря на все разногласия по «Курильскому вопросу», на котором политики уже все копыя сломали, а остров Кунашир словно дразнил японцев своей недосягаемой близостью, к русским рыбакам тут относились с великим почтением — кормильцы.

На город уже давно опустился вечер, пеленая его окраины в темные тона, когда неподалеку от офиса акционерного общества «Дальроса», окруженного вечнозеленым, в человеческий рост кустарником, остановилась темно-серая, в тон стущающимся сумеркам «Хонда» и из нее вышел мужчина с курткой в руке. Предварительно осмотревшись и что-то сказав водителю, он посмотрел на часы, удовлетворенно хмыкнул и направился к парадной двери, за которой все еще кипела жизнь — в приемной и еще в двух окнах горел свет. Перекинув куртку в другую руку, остановился в десяти метрах от входа, немного подумал, шагнул в сторону кустарника и словно растворился в нем...

Утром следующего дня газеты острова Хоккайдо пестрели зловещими заголовками, не менее мрачными «репортажами с места события» и более осмысленными статьями, смысл которых можно было бы выделить в пять броских предложений:

«УБИЙСТВО В ВАККАНАЕ! ЖЕРТВА — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР “ДАЛЬРОСЫ” АЛЕКСАНДР ЛОЖНИКОВ. ЕСЛИ РАНЬШЕ РУССКАЯ МАФИЯ РАЗБИРАЛАСЬ СО СВОИМИ КОНКУРЕНТАМИ В ГОРОДАХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА, ТО ТЕПЕРЬ ОНА СВОИ РАЗБОРКИ ПЕРЕНЕСЛА НА БЕРЕГА ХОККАЙДО. МОЖЕТ, ЯПОНЦАМ ХВАТИТ ОДНОЙ СВОЕЙ МАФИИ, ЯКУ-

ЯКУДЗА, ИЛИ КОГДА И КРАБЫ ПЛАЧУТ

ДЗЫ? ОБЩЕСТВО ВЗЫВАЕТ К ПОЛИЦИИ ХОККАЙДО НА КОРНЮ ЗАРУБИТЬ СМЫЧКУ РОССИЙСКОГО БЕСПРЕДЕЛА С ЯКУДЗОЙ, КОТОРАЯ, ПОДОБНО ЗАРАЗЕ, РАСПОЛЗАЕТСЯ ПО ОСТРОВУ».

(Для служебного пользования сотрудников МВД,
СВР и ФСБ РФ)

Справка составлена на основе исследования, про-
веденного
Национальным Полицейским Агентством Японии.

Возникшая более трехсот лет назад, якудза остается наиболее могущественной мафией на Земле, хотя ее «крестные отцы» повторяли и повторяют, что это совершенно неверно — смешивать якудзу с мафией. У якудзы «славные» традиции, и она всегда помогала согражданам. И как бы в подтверждение этого они пытаются отождествлять себя с Робин Гудами, пользуясь при этом символикой классической японской поэзии, цветами лотоса на поверхности затхлого пруда жизни. Это наиболее закрытое сообщество из всех мировых мафиозных сообществ, история которого начинается в семнадцатом веке от некоего самурая и картежника по имени Бандзуйин Тебэй, открывшего в Эдо (нынешнее Токио) первый игорный дом. Поняв, что карты могут приносить ему не только деньги, Тебэй установил с властями доверительные отношения, в результате чего смог взять под свой контроль рынок рабочей силы. Теперь уже к нему стали обращаться, когда нужно было действовать «за гранью фола», чего не могла себе позволить официальная власть. За всю свою историю якудза претерпела огромные изменения, однако те принципы, которые сделали ее непотопляемой, — появляться там, где возникают трудности с решением какой-либо проблемы, и сотрудничество с властями, — были заложены еще в те далекие времена. С тех же времен прослеживается и название — «якудза». «Я» по-японски «восемь», «ку» — «де-

вать», «дза» — устаревшая форма от «сан» («три»). В сумме двадцать — особое число в японских карточных играх.

В настоящее время, когда мафиозные структуры расплозились по островам, нанося ущерб не только цивилизованному имиджу Японии, но также являясь тормозом для экономики, власти ужесточили законодательство и попытались повести тотальное наступление на якудзу, как вдруг оказалось, что вырвать ее из контекста японской действительности уже невозможно. Также выяснилось, что консенсуса по вопросу о том, нужна ли стране мафия, среди политических партий нет. И дело не только в том, что многие политики связаны с мафией, но похоже, что и простые японцы привыкли к якудзе. Многие из них боятся, что утратив якудзу, они перестанут быть японцами.

Однако якудза не была бы якудзой, если бы уже в середине девяностых годов не заявила о готовности оказать финансовую и материально-техническую помощь по ликвидации разрушительного землетрясения, превратившего город Кобэ в руины. Или как оценивать распространенную у якудзы практику отрубать себе пальцы, тем самым демонстрируя признание собственной вины или ошибки?

Ныне деловая активность якудзы напоминает деятельность знаменитых корпораций, имеющих многопрофильный характер, и все-таки главная прибыль якудзы — наркотики. Источники поступлений — Гонконг, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии. В последнее время можно было услышать разговоры, что законопослушные японцы устали от своей мафии и вскоре ей придет конец. Однако по оценке аналитиков и реально мыслящих полицейских — это всего лишь слухи. После некоторого затишья якудза вновь в центре внимания, и все чаще и чаще специалистами по якудзе высказываются предположения, что надвигается очередной передел сфер влияния, который не может не затронуть Дальневосточный регион России.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА

Домой Родион Родионов вернулся едва ли не за полночь. Еще в субботу утром он был приглашен на дачу к приятелю, жена которого пыталась сосватать Родионова своей подруге, отчего-то думая, что ему совсем уж хреновато после скандального развода, и он едва отбилась от насевших на него баб, чтобы только уехать домой одному. Едва переступив порог, включил телевизор, и, не переставая удивляться тому, отчего это воскресными вечерами становятся занудными и неинтересными все телевизионные программы, сбросил с себя провонявшую шашлыками одежку и тут же полез под душ, наслаждаясь горячими струями. Резкое брэнчанье телефона он услышал, когда уже окатил себя холодной водой и растирался махровым полотенцем. Недовольно скривившись — кто бы это мог быть в первом часу ночи, он снял трубку и тут же невольно подтянулся, узнав голос шефа Следственного комитета Российской Федерации, который не очень-то баловал своих подчиненных персональными звонками домой.

— Родион Витальевич? — прогудел в ухо Быстров. — Твой мобильник не отвечал, так что уж извини, что беспокою в столь позднее время.

— Да о чем вы говорите! До двенадцати одни дети спать ложатся.

— В таком случае слушай сюда. Сегодня решился вопрос о более чем серьезной командировке, так что выбор пал на тебя, и если нет серьезных оснований для отказа...

Несмотря на дипломатичность выражений, тон начальника был беспрекословно жесткий, и Родионов принял его как должное.

— Вопрос. Командировка длительная?

— Судя по всему, да, причем с поправкой на Дальний Восток, точнее говоря, Сахалин. Однако отправная точка — Япония. Так что лишняя пара белья не помешает.

— Слушаюсь. Как говорится, нищему собраться — подпоясаться.

— Даже так? — хмыкнул Быстров. — Подпоясаться... Что-то не слышал, чтобы следователи по особо важным делам к разряду нищих себя относили. Ну да ладно, жду завтра в девять.

Выложив перед своим сотрудником подборку японских газет с подколотыми к ним переводами тех статей, которые были обведены черным фломастером, шеф наблюдал за его реакцией, и по мере того, как все мрачнее становилось лицо Родионова, он, видимо идя за своими собственными мыслями, утвердительно кивал головой. Когда же последняя страничка была дочитана, спросил без особого энтузиазма в голосе:

— Ну и что можешь сказать по этому поводу?

— Только то, что мы вляпались в какую-то историю на международном уровне. — Понимая, что нужен более емкий ответ, добавил: — Информации маловато, Николай Петрович, а в газетах одни эмоции и никакой конкретики.

— Что ж, возможно, ты прав, информации маловато. Как бы там ни было, но в Вакканае убит Александр Борисович Ложников, генеральный директор акционерного общества «Дальроса», он же — кандидат в Госдуму от

ЯКУДЗА, ИЛИ КОГДА И КРАБЫ ПЛАЧУТ

«Единой России», и именно этот факт ложится в основу уголовного дела.

— Кандидат в депутаты, крупный бизнесмен... — удивлению следователя не было предела, — для того, чтобы решиться на убийство подобного деятеля, нужны серьезные основания. Кстати, а его, случаем, не по ошибке завалили? Все-таки поздний вечер, темно... Или, скажем, убийство на бытовой почве? Жену у кого-нибудь увел или любовницу?

По лицу Быстрова скользнула скептическая ухмылка.

— Твоими бы устами да мед вкушать. Я бы тоже хотел придерживаться версии убийства по личным мотивам, но здесь совершенно иное. В общем, прошла информация, что генеральный директор «Дальросы» находился в тесной связке с Сохатым, который контролировал добычу краба и особо ценных пород рыбы в регионе и которого незадолго до убийства Ложникова также настигла пуля киллера.

— Даже так? — нахмурился Родион, мгновенно просчитав, в какой скандал может вылиться расследование подобного дела. — Вор в законе по кличке Сохатый и кандидат в депутаты Государственной Думы господин Ложников.

— Похоже, что так, и если эта информация подтвердится... Короче, на нынешний день это худшее из того, что можно придумать.

— Насколько я догадываюсь, «худшее» для политического рейтинга единоросов?

Умудренный жизнью, битый-перебитый более высоким руководством, начальник Следственного комитета откашлялся, словно у него запершило в горле.

— А вот этого ты не говорил, а я не слышал. Для нас с тобой все равны, что «Единая Россия», что ее оппоненты. Но убийство Ложникова приобрело слишком громкий резонанс, и, как ты сам догадываешься, ход расследования уже поставлен на контроль.

— И, естественно, пошли разговоры, что конкуренты убирают с дороги единоросов?

— Угадал, подобные разговоры также имеют место, но не это главное. Кто-то пустил слух о причастности Ложникова к мафиозным структурам на Сахалине, и уже не столько единоросы, сколько их оппоненты требуют тщательного расследования, загодя обвиняя его во всех смертных грехах. Короче говоря, существует депутатский запрос, и разбираться в этом придется тебе.

— В составе следственной бригады?

— Пока что никаких бригад, тем более раздутых. Просто мобильная оперативно-следственная группа, которую тебе поможет сколотить Агеев, замначальника СК по Сахалинской области, с которым ты неплохо знаком. Твоя задача — разобраться в том, что за каша заваривается на Дальнем Востоке, тем более что место Сохатого занял некий Мессер, по паспорту Роман Камышев, и если верить объективке, это более умный и более хитрый зверь, прошедший горнило девяностых годов.

— То бишь криминальный авторитет, отвечающий требованиям времени.

— Пожалуй что так, но и это еще не все. Ложникова убили в Вакканае, а это уже весьма серьезный звонок, и вот в какой связи. По линии Службы внешней разведки прошла оперативная информация, что на совершенно новый виток вышла смычка дальневосточных мафиозных структур с якудзой, а это головная боль не только для России, но и для японской полиции, и поэтому они готовы к сотрудничеству с нами.

— Что, господа японцы до такой степени боятся сращивания наших криминальных структур с якудзой? — хмыкнул Родионов.

— Боятся, но не только этого. Главное, что их страшит, так это варварский вылов краба и тех пород рыбы, без которых для японца заканчивается полноценная жизнь. У них тоже есть трезвые головы, которые болеют за будущее своей нации. И вот они-то и подсчитали, что если подобный отлов краба, тунца, морского ежа и гребешка будет продолжаться такими темпами еще лет десять, то им придется менять свое меню и подумывать

ЯКУДЗА, ИЛИ КОГДА И КРАБЫ ПЛАЧУТ

о том, как наладить промышленное производство «крабовых палочек», подобных тому дерьму, что мы с тобой покупаем в супермаркетах. А это для японца — смерть.

— Выходит, прижало?

— Похоже, что так. И поэтому в Вакканае с тобой будет работать сотрудник иностранного отдела полицейского управления Хоккайдо, который и введет в курс дела. Что же касается нашей стороны, то всю информацию по криминогенной обстановке на Сахалине тебе предоставит Агеев и он же даст полный расклад по Ложникову. Я имею в виду как человека и как бизнесмена, царствие ему небесное.

— А как относительно моих полномочий? — не мог не спросить Родионов. — Палки в колеса никто вставлять не будет, я про региональное управление ФСБ?

— Исключено. Тем более что все согласовано с Главным управлением, и мне дали понять, что в сахалинскую камарилью уже внедрен опытный оперативный сотрудник.

ЮЖНО-САХАЛИНСК

— Господи, помоги, — прошептал Крымов разбитыми губами и затаился, невольно ожидая очередного града ударов, когда сплошная, вяжущая боль выбивает сознание и человек превращается в окровавленный мешок. Однако его больше не мутузили, выбивая чистуху, и он попытался собраться с мыслями, чтобы проанализировать линейку тех событий, что привели его в пресс-камеру южносахалинского СИЗО.

...Восстанавливаясь после очередного спецзадания, он отдыхал на Багамских островах, куда в это время года съезжается весь «цвет» столичного криминалитета, как вдруг его срочно отозвали в Москву, и он был доставлен на конспиративную дачу в ближнем Подмосковье. Судя по всему, намечалось что-то архисрочное и столь

же важное, если его уже ждал генерал Панков, шеф спецподразделения СВР, и он не ошибся в своем предположении. Едва справившись о самочувствии и приказав принести в беседку кофе с коньяком, генерал сразу же перешел к делу.

Оперативный источник сообщал, что после убийства в Вакканае генерального директора «Дальросы» Александра Ложникова и дальневосточного авторитета Ивана Кузьмина, имевшего кличку Сохатый, начался передел икорно-рыбного рынка на Сахалине и теперь кроме поделщиков последнего убираются даже те бизнесмены и политики, которые обеспечивали Сохатому комфортную жизнь и являлись членами дальневосточной ложи «неприкасаемых». Место Кузьмина занял сахалинский авторитет Роман Камышев. Убийством Ложникова занимаются следователь по особо важным делам СК Родионов и офицер иностранного отдела полицейского управления Хоккайдо Акира Нуамо. Что же касается Крымова, его задача влиться в ближайшее окружение новоиспеченного короля рыбной мафии и попытаться выявить не только его теневые связи с покровителями всех уровней, но, что еще не менее важно, — степень сращивания с якудзой и южнокорейскими группировками, которые также претендуют на дальневосточный икорно-рыбный и крабовый рынок.

Вслушиваясь в неторопливый монолог своего начальника и друга, с которым они съели не один пуд соли, он уже знал, почему выбор пал именно на него.

Роман Камышев, Мессер. Свое погоняло он получил на той же зоне, где барабанил свой «первый срок» и он, Антон Крымов, по разработанной легенде поимевший кличку Седой. В те далекие времена, а это был последний год советской власти, им обоим было чуть более двадцати лет, и Ромка Камышев, закоренелый гоп-стопник, не переносивший над собой даже малейшего насилия, хватался за финку всякий раз, когда на него пытались наезжать лагерные отморозки. Оттого и кликуху заработал знатную — Мессер, на жаргоне — финский нож. Батра-